

СКАЗКА О ДОБРОМ МОЛОДЦЕ, КОТОРЫЙ СТРАХА НЕ ЗНАЛ

У одного отца было двое сыновей. Старший был умен, сметлив, и всякое дело у него спорилось в руках, а младший был глуп, непонятлив и ничему научиться не мог. Люди говорили, глядя на него: «С этим отец еще не оберется хлопот!» Когда нужно было сделать что-нибудь, все должен был один старший работать; но зато он был робок, и, когда отец его за чем-нибудь посылал позднюю порой, особенно ночью, и если к тому же дорога проходила мимо кладбища или иного страшного места, он отвечал: «Ах нет, батюшка, не пойду я туда! Очень уж боязно мне!» Порой, когда вечером у камелька шли рассказы, от которых мороз по коже продирали, слушатели восклицали: «Ах, страсти какие!» А младший слушал, сидя в своем углу, и никак понять не мог, что это значило? «Вот затвердили-то: страшно да страшно! А мне вот ни капельки не страшно! И вовсе я не умею бояться! Должно быть, это также одна из тех премудростей, в которых я ничего не смыслю!»

Однажды сказал ему отец: «Послушай-ка ты там, в углу! Ты и растешь, и силы набираешься, надо же тебе

научиться тоже какому-нибудь ремеслу, чтоб добывать себе насущный хлеб. Видишь, как трудится твой брат; а тебя, право, даром кормить хлебом приходится!» — «Эх, батюшка! — отвечал тот. — Очень бы хотел я научиться чему-нибудь! Да уж коли на то пошло, очень хотелось бы мне научиться страху: я ведь совсем не умею бояться». Старший брат расхохотался, услышав такие речи, и подумал про себя: «Господи милостивый! Ну и дурень же брат у меня! Никогда пути не будет в нем! Кто хочет крюком быть, тот заранее спину гни!» Отец вздохнул и отвечал: «Страху-то ты еще непременно научишься, да хлеба-то себе этим не заработаешь!»

Вскоре после того зашел к ним в гости дьячок, и стал ему старик жаловаться на свое горе: не приспособился-де сын его ни к какому делу, ничего не знает и ничему не учится. «Ну подумайте только! Когда я спросил его, чем он станет себе хлеб зарабатывать, он ответил, что очень хотел бы научиться страху!» — «Коли за этим только дело стало, — отвечал дьячок, — так я берусь обучить его! Пришлите-ка его ко мне! Я его живо обработаю!..» Отец был этим доволен, в надежде, что малого хоть сколько-нибудь обломают. Итак, дьячок взял к себе парня домой и поручил ему звонить в колокол. Дня через два разбудил он его в полночь, велел ему встать, взойти на колокольню и звонить; а сам думает: «Ну научишься же ты нынче страху!» Пробрался тихонько вперед, и, когда парень, поднявшись наверх, обернулся, чтобы взяться за веревку от колокола, перед ним на лестнице, против слухового окна, очутился кто-то в белом. Он крикнул: «Кто там?» — но тот не отвечал и не шевелился. «Эй! Отвечай-ка! — закричал снова парень. — Или убирайся подобра-поздорову! Нечего тебе здесь ночью делать!» Но дьячок продолжал стоять неподвижно, чтобы парень принял его за привидение. Вторично обратился к нему парень: «Чего тебе нужно здесь? Отве-

чай, если ты честный малый; а не то я тебя сброшу с лестницы!» Дьячок подумал: «Ну это ты, братец мой, только так говоришь!» — не проронил ни звука и стоял словно каменный. И в третий раз крикнул ему парень, но опять не добился ответа. Тогда он бросился на привидение и столкнул его с лестницы так, что, пересчитав десяток ступеней, оно растянулось в углу. А парень отзвонил себе, пришел домой, лег, не говоря ни слова, в постель и заснул. Долго ждала дьячиха своего мужа, но тот все не приходил. Наконец ей страшно стало, она разбудила парня и спросила: «Не знаешь ли, где мой муж? Он ведь только что перед тобой взошел на колокольню!» — «Нет! — отвечал тот. — А вот на лестнице, против слухового окна, стоял кто-то, и так как он не хотел ни отвечать мне, ни убираться, я принял его за мошенника и спустил с лестницы. Подите-ка взгляните, не он ли это был? Мне было бы жаль, если бы это над ним стряслось!» Бросилась туда дьячиха и увидела мужа: сломал ногу, лежит в углу и стонет.

Она перенесла его домой и поспешила с громкими криками к отцу парня: «Ваш сын натворил беду великую: мужа моего сбросил с лестницы, так что, сердечный, ногу сломал! Возьмите вы негодяя из нашего дома!» Испугался отец, прибежал к сыну и выбралил его: «Что за проказы богомерзкие! Али тебя лукавый попутал!» — «Ах, батюшка! Только выслушай меня! — отвечал тот. — Я совсем не виноват! Он стоял там, в темноте, словно зло какое умышлял. Я не знал, кто это, и трижды уговаривал его ответить мне или уйти!» — «Ах, — возразил отец, — от тебя мне одни напасти! Убирайся ты с глаз моих! Видеть я тебя не хочу!» — «Воля ваша, батюшка, ладно! Подождите только до рассвета: я уйду себе, стану обучаться страху: авось узнаю хоть одну науку, которая меня прокормит!» — «Учись чему хочешь, мне все равно! — сказал отец. — Вот тебе пятьдесят талеров, ступай с ними на все четыре стороны

и никому не смей сказывать, откуда ты родом и кто твой отец, чтобы меня не срамить!» — «Извольте, батюшка, если ничего больше от меня не требуется, все будет по-вашему! Это я легко могу соблюсти!»

На рассвете положил парень свои пятьдесят талеров в карман и вышел на большую дорогу, бормоча про себя: «Хоть бы на меня страх напал! Хоть бы на меня страх напал!» Подошел к нему какой-то человек, услышавший эти речи, и стали они вместе продолжать путь. Вскоре завидели они виселицу, и сказал ему спутник: «Видишь, вон там стоит дерево, на котором семеро с веревочной петлей спознались, а теперь летать учатся! Садись под тем деревом и жди ночи: не оберешься страху!» — «Ну коли только в этом дело, — отвечал парень, — так оно не трудно! Если я так скоро научусь страху, то тебе достанутся мои пятьдесят талеров, приходи только завтра рано утром сюда ко мне!» Затем подошел добрый молодец к виселице, сел под нею и дождался там вечера. Ему стало холодно, и он развел себе костер; но к полуночи так посвежел ветер, что парень и при огне никак не мог согреться. Ветер раскачивал трупы повешенных, они толкались друг о друга. И подумал парень: «Мне холодно даже здесь, у огня, каково же им мерзнуть и мотаться там, наверху?..» И как сердце у него было сострадательное, он приставил лестницу, взлез наверх, отвязал висельников одного за другим и спустил всех семерых наземь. Затем он раздул хорошенько огонь и рассажал их всех кругом, чтоб они могли согреться. Но они сидели неподвижно, так что пламя стало охватывать их одежды. Он сказал им: «Эй вы, берегитесь! А не то я вас опять повешу!» Но мертвецы ничего не слышали, молчали и не мешали гореть своим лохмотьям. Тут он рассердился: «Ну если вы остерегаться не хотите, то я вам не помощник, а мне вовсе не хочется сгореть вместе с вами!» И он снова повесил их на прежнее

место. Потом он подсел к своему костру и заснул. Поутру пришел к нему встречный человек за получением пятидесяти талеров и спросил: «Ну что, небось знаешь теперь, каков страх бывает?» — «Нет, — отвечал тот, — откуда же было мне узнать это? Эти ребята, что там наверху болтаются, даже рта не открывали и так глупы, что дали гореть на теле своим лохмотьям!» Тут увидел прохожий, что пятьдесят талеров ему на этот раз не придется получить, и сказал, уходя: «Еще первого я такого вижу!»

Парень тоже пошел своей дорогой, бормоча по-прежнему: «Ах, если б меня страх пробрал!» Услыхал это извозчик, ехавший позади его, и спросил: «Кто ты таков?» — «Не знаю!» — отвечал малый. А извозчик продолжал: «Откуда ты?» — «Не знаю!» — «Да кто твой отец?» — «Не смею сказать!» — «Что такое бормочешь ты себе под нос?» — «Я, видишь ли, хотел бы, чтоб меня страх пробрал, да никто меня не может страху научить!» — отвечал парень. «Не мели ты вздора! — сказал извозчик. — Ну-ка отправимся со мною: я тебя как раз к месту пристрою!» Парень отправился с ним, и к вечеру прибыли они в гостиницу, где собрались заночевать. Входя в комнату, парень снова произнес вслух: «Кабы меня только страх пробрал! Эх, кабы меня только страх пробрал!» Услыхав это, хозяин засмеялся и сказал: «Если уж такова твоя охота, то здесь найдется к тому подходящий случай!» — «Ах, замолчи! — прервала его хозяйка. — Сколько безумных смельчаков поплатились уже за это жизнью! Было бы очень жаль, если бы и этот добрый молодец перестал глядеть на белый свет!» Но парень сказал: «Как бы ни было оно тягостно, все же я хочу научиться страху: ведь я для этого и пустился в путь-дорогу!» Не давал он покоя хозяину, пока тот не рассказал ему, что невдалеке находится заколдованный замок, где немудрено страху научиться, если только там провести ночи три. И король-де обещал

дочь свою в жены тому, кто на это отважится, а уж королевна-то краше всех на свете! В замке же охраняются злыми духами несметные сокровища. Если кто-нибудь в том замке проведет три ночи, то эти сокровища ему достанутся и любой бедняк ими обогатится. Много добрых молодцов ходили туда счастья попытать, да ни один не вернулся. На другое утро явился парень к королю и говорит ему: «Кабы мне дозволено было, я провел бы три ночи в заколдованном замке!» Король взглянул на парня, и так как тот ему приглянулся, то он сказал: «Ты можешь при этом избрать себе три предмета, но непременно неодушевленных, и захватить их с собою в замок». Парень отвечал: «Ну так я попрошу себе огня, токарный станок и резчий станок с резцом!»

Король велел еще засветло снести ему все это в замок. К ночи пошел туда парень, развел яркий огонь в одной из комнат, поставил близ него резчий станок с резцом, а сам сел за токарный. «Эх, кабы меня только страх пробрал! — сказал он. — Да, видно, и здесь я тоже не научусь ему!..» Около полуночи вздумал он пуше разжечь свой костер и стал раздувать пламя, как вдруг из одного угла послышалось: «Ау, мяу! Как нам холодно!» — «Чего орете, дурачье?! — закричал он. — Если вам холодно, идите садитесь к огню и грейтесь!» Едва успел он это произнести, как две больших черных кошки быстрым прыжком подскочили к нему, сели по обе его стороны и стали дико глядеть на него своими огненными глазами. Немного погодя, отогревшись, они сказали: «Товарищ! Не сыграем ли мы в карты?» — «Отчего же? — отвечал он. — Я не прочь; но сперва покажите-ка мне ваши лапы!» Они вытянули свои когти. «Э! — сказал парень. — Коготки у вас больно длинны! Погодите, я должен вам их сперва обстричь!» С этими словами схватил он кошек за загривок, поднял их на резчий станок и крепко стиснул в нем их лапы. «Увидал

я ваши пальцы, — сказал он, — и прошла у меня всякая охота в карты играть!» Он убил их и выбросил из окна в пруд. Но когда он, покончив с этой парой, хотел опять подсесть к своему огню, отовсюду, из каждого угла повискочили черные кошки и черные собаки на раскаленных цепях — и все прибывало да прибывало их, так что ему уж некуда было от них деваться. Они страшно ревели, наступали на огонь, разбрасывали дрова и сбились совсем разметать костер. Поглядел он с минуту спокойно на их возню, а когда ему невтерпех стало, он взял свой резец и закричал: «Брысь, нечисть окаянная!» — и бросился на них. Одни разбежались; других он перебил и побросал в пруд. Вернувшись, он снова раздул огонь и стал греться. Сидел он, сидел — и глаза стали слипаться, и стало его клонить ко сну. Оглядевшись кругом и увидав в углу большую кровать, он сказал: «А, вот это как раз кстати!» — и лег. Но не успел он и глаз сомкнуть, как вдруг кровать сама собой стала двигаться и покатила по всему замку. «Вот это ладно! — сказал он. — Да нельзя ли поживей! Трогай!» Тут понеслась кровать, точно в нее шестерик впрягли, — во всю прыть, через пороги, по ступенькам вверх и вниз... Но вдруг — гоп-гоп!.. Кровать опрокинулась вверх ногами, и на парня словно гора налегла. Но он пошвырял с себя одеяла и подушки, вылез из-под кровати и сказал: «Ну будет с меня! Пускай катается кто хочет!» Затем он улегся у огня и проспал до бела дня. Поутру пришел король и, увидав его распростертым на земле, подумал, что привидения убили его и он лежит мертвый. «Жаль доброго молодца!» — сказал король. Услыхал это парень, вскочил и ответил: «Ну до беды-то еще не дошло!» Удивился король, обрадовался и спросил, каково с ним было. «Превосходно, — отвечал тот, — вот уж минула одна ночь, а там и две другие пройдут!» Пошел парень к хозяину гостиницы, а тот и глаза таращит: «Не думал я увидеть тебя

в живых! Ну что, научился ли страху?» — «Какое там! — отвечал парень. — Все напрасно! Хоть бы кто-нибудь надушил меня!..»

На вторую ночь пошел он спать в древний замок, сел у огня и затянул свою старую песенку: «Хоть бы страх меня пробрал!» Около полуночи поднялся там шум и гам, сперва потише, а потом все громче и громче, затем опять все смолкло на минуту, и наконец из трубы к ногам парня вывалилось с громким криком полчеловека. «Эй! — закричал добрый молодец. — Надо бы еще половинку! Этой маловато будет!» Тут снова гомон поднялся, послышался топот и вой — и другая половина тоже выпала. «Погоди, — сказал парень, — вот я для тебя огонь маленько раздую!» Сделав это и оглянувшись, он увидел, что обе половины успели срастись — и на его месте сидел уже страшный-престрашный человек. «Это, брат, непорядок! — сказал парень. — Скамейка-то моя!» Страшный человек хотел его оттолкнуть, но парень не поддался, сильно двинул его со скамьи и сел опять на свое место. Тогда нападало сверху, один за другим, еще множество людей. Они достали девять мертвых ног и две мертвых головы, расставили эти ноги и стали играть, как в кегли. Парню тоже захотелось поиграть. «Эй вы, послушайте! — спросил он. — Можно ли мне присоединиться к вам?» — «Можно, коли деньги у тебя есть!» — «Денег-то хватит, да шары ваши не больно круглы!» Взял он мертвые головы, положил их на токарный станок и обточил их кругом. «Вот так, — сказал он, — теперь они лучше кататься будут! Валяйте! Теперь пойдет потеха!..» Поиграл парень с незваными гостями и проиграл немного; но как только пробил полночь, все исчезло. Он улегся и спокойно заснул. Наутро пришел король осведомиться: «Ну что с тобой творилось на этот раз?» — «Поиграл в кегли, два грошика проиграл!» — «Да разве тебе не было страшно?!» — «Ну вот еще! — отвечал парень. — По-

забавился, и только! Хоть бы мне узнать, что такое страх!..»

На третью ночь сел он опять на свою скамью и сказал с досадой: «Ах, если бы только пробрал меня страх!» Немного погодя явились шестеро рослых ребят с гробом на руках. «Эге-ге, — сказал парень, — да это, наверное, братец мой двоюродный, умерший дня два тому назад!» Он поманил пальцем и крикнул: «Ну поди, поди сюда, братец!» Гроб был поставлен на пол, парень подошел и снял крышку: в гробу лежал мертвец. Дотронулся парень до его лица: оно было холодно как лед. «Погоди, — сказал он, — я тебя маленько согрею!» Подошел к огню, погрел свою руку и приложил ее к лицу мертвеца; но тот был холоден по-прежнему. Тогда он вынул его из гроба, сел к огню, положил покойника себе на колени и стал тереть ему руки, чтобы вызвать снова кровообращение. Когда и это не помогло, пришло ему в голову, что согреться можно хорошо, если вдвоем лечь в постель; перенес он мертвеца на свою кровать, накрыл его и лег рядом с ним. Немного спустя и покойник согрелся и зашевелился. «Вот видишь ли, братец, — сказал парень, — я и отогрел тебя!» Но мертвец вдруг поднялся и завопил: «А! Теперь я задушу тебя!» — «Что? Задушишь?! Так вот какова твоя благодарность?! Полезай же опять в свой гроб!» И парень поднял мертвеца, бросил его в гроб и закрыл его крышкой; тогда вошли те же шестеро носильщиков и унесли гроб. «Не пробирает меня страх, да и все тут! — сказал парень. — Здесь я страху веки не научусь!»

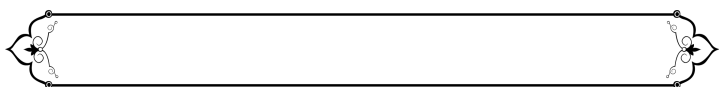
Тут вошел человек, еще громаднее всех прочих, и на вид совершенное страшилище: это был старик с длинной белой бородой. «Ах ты, тварь этакая! — закричал он. — Теперь-то ты скоро узнаешь, что такое страх: готовься к смерти!» — «Ну не очень спеши! — отвечал парень. — Коли мне умирать приходится, так без меня не обойдется дело!» — «Тебя-то уж я прихвачу с собою!» — сказало чудовище.

«Потише, потише! Очень уж ты расходился! Я ведь также не слабее тебя, а то еще и посильней буду!» — «Это мы еще посмотрим! — сказал старик. — Если ты окажешься сильней меня, так я тебя отпущу; пойдем-ка попытаем силу!» И повел он парня темными переходами в кузницу, взял топор и вбил одним ударом наковальню в землю. «Эка невидаль?! Я могу и получше этого сделать!» — сказал парень и подошел к другой наковальне; старик стал подле него, любопытствуя посмотреть, и белая борода его свесилась над наковальней. Тогда парень схватил топор, расколол одним ударом наковальню и защемил в нее бороду старика. «Ну теперь ты, брат, попался! — сказал он. — Теперь тебе помирать приходится!» Взял он железный прут и стал им потчевать старика, пока тот не заверещал и не взмолился о пощаде, обещая дать ему за это превеликие богатства. Парень вытащил топор из щели и освободил старика. Повел его старик обратно в замок, показал ему в одном из погребов три сундука, наполненные золотом, и сказал: «Одна треть принадлежит бедным, другая — королю, третья — тебе...» В это время пробила полночь, дух исчез, и парень остался один в темноте. «Как-нибудь да выберусь отсюда!» — сказал он, пощупал вокруг себя, отыскал doorway в свою комнату и заснул там у огня. Наутро пришел король и спросил: «Что же теперь-то, небось научился ты страху?!» — «Нет, — отвечал тот, — и ведать не ведаю, что такое страх! Побывал тут мой покойный двоюродный брат, да бородач какой-то приходил и показал мне там, внизу, кучу денег, а страху меня никто не научил!» И сказал тогда король: «Хвала тебе, добрый молодец! Избавил ты замок от нечистой силы! Бери же себе дочь мою в жены!» — «Все это очень хорошо, — отвечал тот, — а все-таки до сих пор я не знаю, что значит дрожать от страха!»

Золото достали из подземелья, отпраздновали свадьбу, но супруг королевны, как ни любил он свою супругу и как

ни был он всем доволен, все повторял: «Ах, если бы только пробрал меня страх! Кабы страх меня пробрал!» Это наконец раздосадовало молодую. Горничная же ее сказала королевне: «Я пособлю горю! Небось научится и он дрожать от страха!» Она пошла к ручью, протекавшему через сад, и набрала полное ведро пескарей. Ночью, когда молодой король почивал, супруга сдернула с него одеяло и вылила на него целое ведро холодной воды с пескарями, которые так и запрыгали вокруг него. Проснулся тут молодой и закричал: «Ай, страшно мне, страшно мне, женушка милая! Да! Теперь я знаю, что значит дрожать от страха!..»

ВЕРНЫЙ ИОГАНН

Жил-был однажды старый король и заболел, и пришло ему в голову: «Видно, лежу я на смертном одре и не подняться уж мне с него». Тогда сказал он: «Позовите ко мне моего неизменно верного Иоганна!» Этот Иоганн был его любимый слуга и так назывался потому, что всю жизнь служил ему верой и правдой. Когда же тот явился к постели короля, король сказал ему: «Вернейший Иоганн, я чувствую, что мой конец приближается, и нет у меня никакой иной заботы, кроме заботы о сыне; он еще совсем юн и не всегда сумеет жить по разуму, и если ты мне не обещаешь наставить его всему, что он должен знать, да не захочешь быть ему опекуном, то мне не придется закрыть глаза спокойно». Тогда отвечал верный Иоганн: «Я его не покину и буду служить ему верой и правдой, хотя бы пришлось за то поплатиться жизнью». На это король сказал: «Ну, значит, я могу умереть спокойно и с миром, — и затем продолжал: — После моей смерти ты должен ему показать весь замок — все покои, залы и подвалы и все сокровища, какие в них хранятся; но самого крайнего покоя в длинном коридоре ты ему не показывай — того, в котором сокрыто изображение королевны с золотой крыши. Как только он увидит это

изображение, он воспламенится к королевне страстной любовью — пожалуй, еще в обморок упадет, — да из-за нее во всякие опасности полезет... От всего этого ты обязан его оберечь». Верный Иоганн еще раз поклялся старому королю, что исполнит его завет, и тот стал мало-помалу затихать, склонился головой на подушку и скончался.

Когда старого короля схоронили, верный Иоганн рассказал молодому королю о том, в чем он поклялся его отцу на смертном одре, и добавил: «Все обещанное ему выполняю добросовестно и буду тебе так же верно служить, как служил ему, хотя бы мне то стоило жизни». Когда же обычное время скорби минуло, верный Иоганн сказал королю: «Ну теперь пора тебе осмотреть все, что ты унаследовал: я покажу тебе весь замок отца твоего». И он повел его всюду, вверх и вниз, и показал ему все богатства и все дивные покои замка, не показал только одного покоя, в котором было сокрыто изображение королевны с золотой крыши. А это изображение было так поставлено, что, если отворить дверь, оно прямо бросалось в глаза; притом оно было так превосходно сделано, что его можно было принять за живое существо, и надо было сознаться, что во всем свете ничто не может быть ни милее, ни прекраснее этого женского образа. Юный король не мог, конечно, не заметить, что верный Иоганн все проходит мимо одной двери, и спросил: «Отчего же ты мне эту не отпираешь?» — «За этою дверью, — отвечал Иоганн, — есть нечто такое, чего ты можешь испугаться». Но король сказал ему: «Я весь замок видел, а потому и желаю знать, что там за дверью». Подошел сам к двери и хотел ее отворить силою. Тогда верный Иоганн стал его удерживать и сказал: «Я отцу твоему перед его кончиною обещал, что ты не увидишь скрытое в этом покое; я знаю, что и тебя, и меня это могло бы повести к великим бедствиям». — «О нет! — отвечал юный король. — Если я не

проникну в этот покой, то я, наверно, погибну: я и день и ночь буду жить в вечной тревоге, пока своими глазами не увижу того, что там скрыто! С места не сойду — так и знай, — пока ты мне не отомкнешь этой двери!»

Тогда верный Иоганн увидел, что решение его непреклонно, и с великой скорбью и тяжкими вздохами выискал в толстой связке заветный ключ. Отомкнув дверь, он поспешил войти первый и думал прикрыть изображение, чтобы оно не бросилось в глаза юному королю. Но все было напрасно! Король приподнялся на цыпочки и глянул ему через плечо. И, как только увидел он изображение красавицы-королевы, которое было прекрасно и притом все блистало золотом и драгоценными камнями, так и грянулся в обморок. Верный Иоганн поднял его, снес на постель и стал тревожиться: «Вот, мол, стряслась беда! Господи боже, что из этого выйдет?» И стал помаленьку отпаивать королевича вином, пока тот совсем не пришел в себя. Первым словом королевича было: «Ах! Кто эта красавица?» — «Это королева с золотой крыши», — отвечал верный Иоганн. «Моя любовь к ней так велика, — сказал юный король, — что если бы у каждого листка на дереве был свой язык, то и все они вместе не могли бы выразить моей любви; жизнь свою я посвящаю на то, чтобы добиться ее руки. Ты мой вернейший слуга, и ты мне должен в этом деле помочь».

Верный слуга долго обдумывал, как бы ему приступить к этому делу, потому что мудрено было добиться даже возможности повидать королеву. Наконец он таки придумал способ действий и сказал королю: «Эта королева у себя в доме вся обставлена золотом: столы, стулья, блюда, чаши и кубки и вся домашняя утварь у нее золотая. У тебя в сокровищнице есть пять бочек золота; так прикажи твоим золотых дел мастерам одну из этих бочек золота перековать во всякую посуду и утварь, изготовить

из того золота всяких птиц, лесных и разных диковинных зверей... Ей это понравится, и мы с тобой все это захватим с собою и поедem к ней попытать счастья». Король тотчас приказал созвать всех мастеров со своего царства, заставил их работать и день и ночь, пока наконец они не переработали все золото во множество прекрасных вещей. Когда все это было погружено на корабль, верный Иоганн надел купеческое платье, и юный король тоже должен был последовать его примеру, чтобы их никто не мог узнать. Затем они поплыли по морю и плыли по нему, пока не доплыли до города, в котором жила королева с золотой крыши.

Верный Иоганн просил короля остаться на корабле и ждать его возвращения. «Легко может быть, — сказал он, — что я королеву с собою приведу на корабль, а потому позаботьтесь о том, чтобы все привести в порядок, всю золотую утварь расставьте и весь корабль приукрасьте». Затем он понабрал в свой фартучек различных золотых предметов, сошел с корабля на сушу и направился к королевскому замку. Когда он вступил во двор замка, то увидел, что у колодца стоит красивая девушка с двумя золотыми ведрами в руках и черпает этими ведрами воду. Она уже хотела отойти от колодца, наполнив ведро ярко блиставшею на солнце водой, обернулась, увидела чужанина и спросила: кто он такой? Он ответил: «Я купец», — и, приоткрыв свой фартучек, дал ей одним взглядом глянуть на свой товар. Тогда она воскликнула: «Э, какие славные золотые вещи!» — и ведро поставила на землю и стала весь товар перебирать, штука за штукой. Тут она сказала: «Это все нужно показать королевне, которая так любит всякие золотые вещи, — она у вас все сейчас купит». И она взяла его за руку и повела его вверх по лестнице замка, потому что она была королевниной прислужницей. Когда сама королева взглянула на товар, то